

Автор выражает благодарность маршалу Советского Союза И. Х. Баграмяну, генерал-полковнику И. С. Глебову и другим фронтовым соратникам комиссара Е. П. Рыкова за добрые советы и ценные сведения; семье комиссара — за ознакомление с семейным архивом, с документами; комсомольцам Прииртышья двадцатых годов — за письма-воспоминания...

ЮНОША В БУДЕНОВСКОМ ШЛЕМЕ

В то лето меня сильно мучила малярия; приступы следовали через день, а то и каждый день - колотило, корчило, хотя на меня в эти минуты обычно сваливали целый ворох одежды. Я стучал зубами и тихонько подвывал из-под одеяла. А после, обливаясь потом, говорил, говорил: неожиданно, смело и...совершенно непонятно, — мать приходила в ужас — рехнулся парнишка!

Каждый раз в бреду на меня нападала пестрая, тонкая собака; она с такой силой впивалась острыми зубами в мою ногу, что я в страхе кричал: перекусит, перекусит.

Горько мне было. Очнувшись, я думал: как же я теперь буду учиться? Вот начнет она меня колотить прямо в классе. Или через день пропускать уроки? Какое же это ученье?

Так прошли мои каникулы в родном селе Лосиха, и в последнюю неделю августа я приехал в Усть-Каменогорск, худой, бледный, опечаленный, явился в интернат педагогического техникума, по которому смертельно соскучился.

В комнатах никого не было, все куда-то ушли. Я немножко взгрустнул, боялся оставаться один. Облюбовал в углу свободный топчан, расстелил подстилку, сквозь которую мои бока все время чувствовали доски, засунул под топчан свой сундучок и стал ждать приступа. А чего его ждать, вот он, явился, на редкость жестокий и продолжительный. Я терял сознание и начинал бредить, мне казалось, что пестрая собака уже вцепилась в меня.

Было больно и страшно. Я, наверное, кричал и отбивался от собаки, вскакивал на ноги. Вдруг что-то навалилось на меня и придавило. Когда я очнулся, то увидел около себя незнакомого сероглазого паренька с буйной шевелюрой, волнистой и светлой.

- Ты чего? — спросил паренек.
- Малярия, — ответил я.
- Зачем про собаку кричал?
- Турусил. Жар у меня.

Он куда-то сходил и принес порошки хинина. Я обрадовался, появилась надежда на спасение. Стал принимать порошки, но через день меня снова так трясло... кости ломило, темнело в глазах, я совсем пал духом, - ведь больше надеяться мне было не на что. А паренек не отступал. Он пригласил ко мне врача —

пожилую женщину. Она меня расспрашивала, выслушала и достала шприц. Я раньше не знал такой страшной штуки, но малярия была страшнее и я согласился на уколы. В день предполагаемого приступа она сделала два укола, и я сидел на топчане и ждал: убегу я от проклятой малярии или она опять настигнет меня? Рядом сидел паренек и тоже ждал. Я спросил:

- Ты кто?

- Я - Рыков.

- Рыков?

- Да. Женя Рыков.

Я немного помолчал, разглядывая его. Потом посоветовал ему:

- Переменил бы фамилию-то.

- Зачем?

- Да, знаешь, очень громко. Некоторые начнут лебезить перед тобой, ластиться. Или тебе это лестно?

- Хм. Разве от фамилии бывает человек такой или этакий?

- Нет, Женя, ты что-то хитрить.

- Какая же тут хитрость: отец с матерью имя дали, а они у меня - люди честные. Чего же мне прятаться под чужое пия?

Мы разговаривали вроде беззаботно, а между тем я с тревогой прислушивался к своему организму: нет ли опасных признаков, не появляется ли в моей крови та злая, пестрая собака... Я не мог внимательно следить за разговором — пестрая собака где-то за углом подкарауливала меня. Но и молчать было томительно, я хотел разговором обмануть собаку, будто и не думаю про нее: не боюсь тебя, не боюсь, видишь — сижу и разговариваю.

В комнате за длинным столом сидели юноши и девушки, шутили, смеялись.

- Это кто? — спросил я.

- Наши. С верховья. Алтай знаешь?

- Ну, еще бы! - воскликнул я и тоном знатока начал рассказывать Жене про Алтай. Он слушал, с любопытством смотрел на меня и едва заметная улыбочка играла на его губах! ему рассказывают об Алтае. Умора!

- А на Алтае есть еще село Алтай. Знаешь?

- Нет.

- Нет? Да ты што? Я там живу! - улыбнулся он своей особенной рыковской улыбочкой - вроде бы язвительной и в то же время доброй. — А рядом — совсем рядом - другое село Катон-Карагай. Тоже не знаешь? Что ты! Даже песня есть такая: «От Катона до Алтая шли две пары, рассуждая»... Не знаешь? Ничего, выучишь. Так вот, мы с тех самых мест. Нас приняли на второй курс. А вот ту, которая так быстро говорит - Зоя Тюменцева, ее — на третий...

- Значит, мы с тобой вместе будем! Я тоже перешел на второй.

- Ты что озираешься? Да не бойся ты своей малярии, не придет она больше.

- Думаешь — проскочили?

- Да не проскочили, а прикончили ее. Прикончили.

Не помню, болел ли я после этого когда-нибудь малярией, разве только на фронте несколько дней. Не помню.

Но всю жизнь при каждом упоминании этой болезни я вспоминаю веселого и доброго паренька, который прогнал от меня пеструю, злую собаку. Помню.

Всю зиму юноша в черной тужурке и темно-зеленом шлеме-буденовке вызывал удивление у многих, — у меня-то во всяком случае вызывал. Откуда у него буденовка?

Может, отец служил в коннице Буденного? Нет. Так где же взял? Книжки о Павке Корчагине еще не было, а знаменитый шлем жил в комсомольских ячейках, как признак революционного духа и как причастность к людям, кующим новый мир.

Женя смотрел на шлем и взгляд его теплел. Парень носил буденовку с гордостью и большой любовью побывавшего в боевых походах красного кавалериста. Мы решили, что шлем Жене подарил какой-то командир Красной Армии.

Любил он и пошутить, посмеяться вместе со всеми. Иногда его шутки принимали форму веселого озорства. Однажды на вечере в техникуме играли в почту. Наш интернатовец по прозвищу Музыкант получил приятную записочку от красивой девушки. Сначала он смутился. Девушка училась в школе им. Луначарского, а мы сторонились луначарцев — мы были бедны и хуже одеты, они — нарядные, слишком пестры по классовому составу. Но девушка была очень мила, и Музыкант думал: почему не познакомиться? Какая беда? Узнаю. И она меня узнает.

Через подругу незнакомки — нашу интернатовку — Музыкант познакомился, и когда он стремительно спускался по лестнице, чтобы проводить девушку домой, Женя перехватил его и спросил: куда девалась Спарта.

- Парта? Какая парта? - удивился Музыкант.

- Спарта, Спарта, государство такое. Куда оно девалось?

- Ты что - белены объелся?

- Нет, ты ответь. Это же не шутка. Гордая страна, мужественные люди, государство Спарта, куда оно делось? Было, было и нету. Это ведь не зайчонок, не птенчик...

Музыкант нервничал: девушка там уйдет, а этот прилип, как репей.

- Знаешь что, Женя, я вернусь и тогда обсудим. Ладно?

- Нет, ты только послушай, - Женя держал товарища за руку, а тот вырвался и пошел быстро-быстро.

Вернулся он не скоро. А Женя ходил в коридоре и немножко волновался. Все-таки надо было остановить Музыканта и открыться. Вот досада. Может обидеться.

Музыкант вернулся, разыскал Женю будто бы для того, чтобы закончить разговор о Спарте, а на самом деле для того, чтобы Женя видел его радость. Женя увидел.

И спросил:

- Целовались?

- Как! Сразу? В первый же вечер? Да ты, Женька, за кого меня принимаешь — за какого-то гусара что ли?

- Ну и что?

- Ничего. Славная девушка.

- Подружили?

- Спрашиваешь!
- Ну... я рад. Я просто рад-радехонек.
- Пстой, пстой! Это с какой стороны ты в родню-то лезешь?
- А-а. То-то и оно. Ты там ходил, на луну смотрел, читал стихи, чтобы у девушки голова кругом пошла, даже, может быть, под ручку ходили-то, а я тут места себе не найду.

- Женька, тебя не отвести ли в больницу? Весь вечер бредишь.
- Нет, температура у меня нормальная. А у тебя?
- Женька, что ты сделал?
- Написал записку. От имени этой девушки.
- Что-о-о?
- Тебе. От нее. Дескать, желаю познакомиться.
- Женька, брось ерундить.
- Почерк-то не узнал?

Музыкант достал записку, взглянул и начал бледнеть, прислонился спиной к печке и провел языком по небу. Потом лицо стало багроветь, глаза остановились.

- Рыков! Ты, я... т... т... голову оторву. Расчешу твою поэтическую шевелюру.

И он взглянул в серые открытые и такие светлые глаза товарища. В них не было ни дерзости, ни испуга, в них можно было прочесть только сожаление.

- Знаешь, Женька, это — хамство! Как тебе не стыд-" но? Можно шутить, говорят, это полезно. Но подводить товарища — ты подумай об этом!

- Я хотел остановить тебя Спартой, а ты вырвался.
- А-а, вон как: я же и виноват!
- Виноват я. Раскаиваюсь...

Он еще что-то говорил, но Музыкант слушал плохо, он вспоминал слова, которые в припадке самонадеянности рассыпал перед девушкой: дескать, вы не ошиблись в выборе, найдете во мне надежного друга. Не ошиблись в выборе. А она совсем не выбирала. За нее выбрал Женька Рыков. Не ошиблись в выборе. Не ошиблись. О!

Когда все улеглись и в интернате погасли огни, то несколько минут спустя в тишине раздался смех. Хохотал Музыкант. Видимо, в темноте он посмотрел на себя со стороны и увидел вдохновенную и потому вдвойне забавную фигуру.

О веселом розыгрыше узнала и сама девушка. Смеялась. Ее дружба с Музыкантом продолжалась.

Однажды мы с Женей дежурили на кухне. Натаскали воды, дров, присели отдохнуть. Я спросил его прямо: не «царапает» ли его иногда казацкое-то происхождение. Он ответил.

- Казаки бывают разные: бедные, богатые, средние. Передовые и «задубелые». Бедняку жить плохо. Бедняку-казаку — совсем плохо. Особенно плохо, если он стал раздумывать над жизнью, потом начал рвать с теми казацкими привычками, которые приносят людям только горе и зло, ну тогда держись. Казацкая верхушка грызет и грызет. А уж когда появились белогвардейцы, то за один «неласковый» взгляд казака хватили.

- Ваша семья тоже хлебнула?
- Да.

И он стал рассказывать о мытарствах своего отца, притеснениях и подозрениях, об опасности, которую пережила вся семья в дни кратковременного белогвардейского переворота в 1920 году (кулацко-эсеровское восстание). Накануне переворота отец работал секретарем ревкома, и надо себе представить, в каком положении оказалась семья Рыковых при налете белогвардейцев. Тяжелое, тревожное время.

Враг развернул обычную для него коварную и страшную для малограмотных людей пропаганду о зверствах красных, о поголовном истреблении русского казачества. Силой и обманом жителей села угнали в Медведку и всех мужчин записали в отряды для выступления против Советской власти. Павла Рыкова куда-то увезли; с часу на час, со дня на день с тревогой ждали страшного известия. Да и сама семья была все время под ударом - кто знал, что могло взбрести в голову врага? Много тогда в молчании передумал подросток Женя Рыков, жизнь повернулась к нему жестокой стороной. В числе тех, кого белогвардейцы насильно гнали в свои отряды, был и Павел Рыков. Он видел, на какое предательство толкают их эсеры, кулаки, офицеры, и решился на отчаянный шаг - на побег. И они, несколько человек - бежали. Их могли убить сразу, на месте, или на дороге, или, наконец, уничтожить дома, вместе с семьями, куда они вернулись. На их счастье в село прибыл отряд красных. Вновь был создан ревком и Павел Рыков снова назначен секретарем ревкома.

В тот вечер, слушая рассказы Жени, я увидел в нем много такого, чего раньше не замечал. Он как бы поднялся в моих глазах. Оказывается, он уже испытал бедность, горе, жестокость, опасность гибели всей семьи и остался жизнерадостным человеком, хорошим товарищем и добрым, очень добрым нашим Женькой.

Он поймал мой взгляд, поднял руку, посмотрел на шрам и усмехнулся.

- У меня не одна такая отметка.

- Дрался?

- Нет. Работал. Рвался к работе. Как же, ведь большой мужик. Я в своем тощеньком хозяйстве начал ковыряться вот таким. У нас все парнишки рано идут в дело.

- А у нас? Тоже! Особенно погонщиками, когда пашут весной. По полосам идет такая перекличка: о-о, лё-лё-лё-о, оп! оп! Далеко слышно.

- И у нас так же. Так вот, как-то отец с матерью потужили, как бы дров на зиму заготовить. Отец сказал: вот выберу время, нарублю в лесу сухих сучьев. А я думаю: когда-то он выберет время. Пойду-ка я сам. Взял топор и в лесок. Но скоро вернулся с окровавленной рукой: топор-то был тяжелый. Тяпнул по мизинцу, отхватил фалангу. Шел терпел, а дома, когда подняли панику, я струхнул. Но все обошлось.

Вот он как: едва поднимая топор - с топором в лес за сучьями! Не в такой ли час в человеке закладывается главный стержень жизни? О самого детства растут вместе с ним его обязанности. Девочка нянчит малышку-сестренку, другая - караулит цыплят, чтобы не утащил кот или коршун; мальчишки - погонщики лошадей на пашне. Потом девчонки моют полы, мальчишки рубят дрова. Подростки-мальчишки кладут копны, девчонки колотят вальком, стирают... К этому их редко

принуждали - обязанности вырастали вместе с ними, а они гордились, что обязанности растут: видите, родители уже доверяют им большую работу. И рождался настоящий человек.

...Однажды в воскресенье Женя притащил в интернат нечто, похожее на малое огородное чучело. Оно состояло из сплошных лохмотьев и невозможно было понять где начало, где конец этому нечто, о какого бока к нему подходить и можно ли его касаться. Это какое-то смешное изобретение или живое существо? Оно не шевелилось, не подавало признаков жизни. Оказалось, живое существо. Только оно притаилось и пытливо уставилось черными-черными глазами в меня: полагаю, оно определяло насколько я опасен, каково мое отношение к нему.

На счастье беспризорника в интернате почти никого не было. В комнате тихо. Тепло. Малец все же жался поближе к Жене.

- Где добыл?

- Потом расскажу. Покормить бы!

- Сейчас-то! Чем же? Обед давно прошел.

- Сходи к дежурному, а то он уцепится за меня, а на кухню его тащить не стоит.

Я пошел. Дежурный усмехнулся.

- Какие остатки? Все подчистили. Вот оскребки кати из казана. Но разве парнишка будет их есть?

Я понес оскребки в глиняной касешке и ложку. Малец неловко взял ее и стал есть. Заторопился, ложку бросил, непривычной она была для него, и стал есть руками - черненькими, заскорузлыми и поэтому плохо гнущимися пальцами: так было ловчее. Едва ли он понимал, что за пища в касешке, но это его не смущало, он верил своему вкусовому разведчику: есть можно! Я смотрел на эти

пальцы, которым лохмотья мешали работать, — рваные рукава были слишком длинные, - на черные, как у зверушки, глаза и думал: жалко парня, но в интернат его не примут. Уже двоих или троих мы приютили, делим с ними наш общий котел. Небогатый котел. Нет, больше никого не примут.

Женя словно угадал мои мысли, сказал вполголоса.

- Сейчас я уведу его в детдом.

- Вымыть бы сначала.

Парнишка перестал жевать и вопросительно глядел на Женю, в которого верил непререкаемо.

- Ну что ты уставился? - сказал Женя, - помыться тебе, действительно, надо.

Парнишка немного успокоился. Но, кажется, Женя хитрил не очень умело, — подопечный был встревожен не только и не столько тем, что его собираются помыть, но и еще что-то сделать. «Неужели выгонят?»

Женя успокоительно похлопал его по плечу, вернее по живописным лоскутам, заплатам, клочьям серой ваты.

- Он что, совсем не говорит?

- Говорит. С трудом. Кажется, какой-то монгольчонок.

- Где ты его?

- У Дома крестьянина. Там трое схватили его, бить хотели. Будто бы седелку украл. Кое-как отнял.

Хотели согреть воды в кухне и тут, в комнате, вымыть женину находку, но стали возвращаться интернатовцы. Упросили сторожа интерната разрешить это сделать в сторожке. Вымыли, тряпье выбросили. Парнишка сидел голый, пугливый, на него нападал страх. Долго искали, с трудом нашли во что одеть. И не потому, что не по плечу тому была одежда - «лишнего» ни у кого не было. Но все же как-то «оболокли мужика». И Женя увел его в детдом. Он там пробыл до вечера, без него парнишка оставаться не хотел. И только усталость сморила его - уснул.

Проснулся утром и стал искать Женю. Его едва уговорили: дядя придет в воскресенье.

Женя Рыков ходил в детдом каждое воскресенье, пока парнишка не прирос к коллективу. Но и тогда они тоже изредка встречались, как хорошие друзья.

- Не мог пройти мимо. Я еще с детства... Знаешь, в наших местах к детям так относятся — у-у-у! Однажды мы с матерью были в одном селе и видели такую картину. Но улице идет женщина, а за ней с плачем - девочка. Женщина останавливается и тычет девочке пальцем в лицо. Я думал — в глаза, камень схватил, но мама остановила меня. Один раз та женщина сильно ткнула - девочка закатилась от боли.

- Мачеха?

- Н-н... Не знаю. Нет! Девочка кричала: ой, маменька! Ой, маменька.

Чем больше я узнавал Женю, тем больше казалось мне, что он из нашего села: такие же горы и леса, такие же люди, события, переживания...

Он учился старательно, любил пошутить, но уклонялся от тех игр, которые требовали физического напряжения: футбол, классическая борьба, эспадроны. Порой задумывался. Всего этого понять было нельзя; сам он ни на что не жаловался.

Его выступления на комсомольских собраниях были не крикливы, деловиты, разумны. Но выступал он редко. И в этом для меня тоже была какая-то загадка.